Современная девиантология: теории и концепции

УДК 316
DOI: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23

OPEN ACCESS

Научная статья

Змановская Елена Валерьевна

Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России (Санкт-Петербург, Россия)

evz-spb@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8002-881X

Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции

Аннотация

В статье представлен историко-онтологический анализ современной российской девиантологии как социально значимой междисциплинарной области знаний. Описан научно-исторический контекст девиантологии. Обоснован категориальный аппарат. Раскрыты атрибутивные признаки девиантности и девиантного поведения в парадигме интегративно-конвергентной модели взаимодействия личности и среды. Выдвинут тезис о формировании девиантной идентичности посредством избирательных негативно-агрессивных идентификаций со значимыми родительскими фигурами. Акцентированы проблемы междисциплинарной разобщенности и линейного функционализма девиантологического знания. Описаны вызовы времени, определены перспективы развития.

Ключевые слова

девиантность, девиантное поведение, криминология, суицидология, аддиктология, интегративная парадигма, цифровизация, кибердевиации

Для цитирования: Змановская, Е. В. (2021) Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал,* 1(1), 12-23. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23.

© Змановская Е.В., 2021

Modern deviantology: theories and concepts

Scientific article

Elena V. Zmanovskaya

All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine named after A. M. Nikiforov, EMERCOM of Russia (Saint Petersburg, Russia)

evz-spb@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8002-881X

Modern Russian deviantology: History, methodology, social challenges and current trends

Abstract

The article presents a historical and ontological analysis of modern Russian deviantology as a socially significant interdisciplinary field of knowledge. The scientific and historical context of deviantology is described. The categorical apparatus is justified. The author reveals the attributive signs of deviance and deviant behavior in the paradigm of the integrative-convergent model of interaction between the individual and the environment. The thesis about the formation of deviant identity through selective negative and aggressive identifications with significant parental figures is put forward. The problems of interdisciplinary dissociation and linear functionalism of deviantological knowledge are emphasized. The challenges of the time are described, and the prospects for development are determined.

Keywords

deviance, deviant behavior, criminology, suicidology, addictology, integrative paradigm, digitalization, cyber-deviations

For citation: Zmanovskaya E. V. (2021) Modern Russian deviantology: history, methodology, social challenges and current trends. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 1(1), 12-23. doi: 10.35750/2713-0622-2021-1-12-23.

Введение в проблему

Современную эпоху можно охарактеризовать как время ускоряющихся глобальных изменений. Турбулентный характер культуры сопровождается закономерными новшествами в академической среде. К настоящему времени в зарубежной и отечественной науке получил широкое распространение ряд относительно новых понятий, определяющих предметную область данной статьи: девиантология, суицидология, аддиктология, кибердевиации, аддикции, цифровая криминология, креативная девиантология и др. Наряду с новизной перечисленные концепты характеризует общая принадлежность к актуальной социальной теме девиантного поведения в стремительно изменяющемся мире.

Девиантное поведение, отклоняющееся от социальных норм, занимает особую нишу в ряду многочисленных жизненных проявлений. Преступления (криминальное поведение), самоубийства (суициды), проституция, пьянство (зависимости) – эти и другие негативные общественные явления сопровождают человечество на протяжении тысячелетий, представляя собой широко распространенную проблему, одновременно опасную и естественную по своей сути.

В качестве предварительного замечания также следует отметить *выраженный междисциплинарный характер проблемы.* По сложившейся традиции девиантное поведение одновременно изучается несколькими науками и специальностями: культурология, социология, право, медицина, психология, педагогика. В научных и прикладных исследованиях наблюдается выраженная междисциплинарная разобщенность с одновременными открытиями, заимствованиями и разночтениями. Единая научная дисциплина, интегрирующая имеющиеся знания и технологии по проблеме девиантного поведения, пока еще не создана.

Полифакторность, многообразие форм и двойственная психосоциальная природа девиантности выдвигают требование использования интегрированных научных подходов и комплексных методов при решении задач общественного контроля, социальной профилактики и психокоррекционной работы применительно к различным формам девиантного поведения.

Очевидно, что дисциплинарно-ведомственная дезинтеграция представляет собой главное препятствие на пути решения поставленных задач. Решению данной научно-практической проблемы посвящена настоящая статья.

История вопроса

Девиантологическое знание зародилось в конце XIX века в рамках социологических исследований как специальная теория, названная *социологией девиантного поведения.* Появление терминов «девиантность» и «девиация» связывают с именем французского ученого Эмиля Дюркгейма. Его труд «Самоубийство. Социологический этюд» (1897), ставший образцом эмпирического социологического исследования, положил начало научной традиции комплексного изучения девиаций как сложных социально-психологических феноменов (Дюркгейм, 1998). Среди ведущих причин самоубийств исследователь выделял: *аномию* (ценностно-нормативной дезорганизации общества в форме беззакония, крушения идеалов, экономического неравенства, ценностных конфликтов); одиночество и разрыв групповых связей, эгоизм с фиксацией на личных потребностях, фатализм, жертвенность. На примере жизни различных этнических и возрастных групп Дюркгейм представил основательный анализ конкретных особенностей коллективного сознания, которые, преломляясь через специфические психологические особенности отдельных людей, порождают массовые или индивидуальные самоубийства. Очевидно, что при исследовании девиантных феноменов Дюркгейм соединял воедино культурологический, социологический, криминалистический и социально-психологический анализ, что дает основание считать его первым представителем интегративной парадигмы в девиантологии (Дюркгейм, 1998).

Ученики и последователи Дюркгейма распространили предложенный подход на различные массовые девиации, включая преступность, проституцию, пьянство, наркотизм и другие. Оригинальный вклад в развитие социологии девиантного поведения внесли: *Р. К. Мертон* (структурно-функциональный анализ девиаций, включая конфликт целей и средств их достижения), *П. А. Сорокин* (теория социальной стратификации), *Т. Селин* (концепция конфликта культур), *Э. Гоффман, Г. Беккер, Э. Лемерт* (теория стигматизации и социальных ожиданий), *Т. Парсонс* (структурный функционализм – теория социальной реальности как самоорганизующейся системы), *Р. Клауорд, Л. Оулин* (теория девиантной субкультуры и обучения), *Э. Сатерленд* (концепция дифференцированных связей и интеракций в микрогруппах, *Дж. Мид* (теория социальных ролей), *Г. Сайк, Д. Матза* (теория самооправдания и ценностного отношения к нормам) и другие (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004), (Змановская Е. В., Девиантология (психология отклоняющегосяповедения),2003), (Гилинский, Девиантология: теория и реальность, 1998), (Дюркгейм, 1998).

> *Полифакторность, многообразие форм и двойственная психосоциальная природа девиантности выдвигают требование использования интегрированных научных подходов и комплексных методов при решении задач общественного контроля, социальной профилактики и психокоррекционной работы применительно к различным формам девиантного поведения.*

В *отечественных исследованиях* изучением девиантного поведения занимались представители различных отраслей наук, начиная с середины XIX века. В дореволюционной России социальные девиации изучались: врачами (П. Г. Розановым, Ф. К. Тереховко, И. О. Зубовой), педагогами (А. Н. Остроготским), юристами (А.Ф. Кони), психологами (Н. П. Бруханским, Я. Г. Лейбовичем). Проблемы алкоголизма исследовали В. М. Бехтерев, Д. К. Бородин, Д. М. Воронов, Д. К. Дмитриев. Осмыслению феномена проституции были посвящены работы Н. Бабикова, В. Зарубина, Н. Дубошинского, Ф. Мюллера, О. Обозенко. Изучением проблемы суицида занимались Н. М. Михайловский, К. Герман. Выдвигался тезис о том, что отклоняющееся поведение является социальным феноменом, многие виды которого имеют общие социальные детерминанты (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004).

Первоначально в России (в соответствии с общемировой тенденцией) центральное место в исследовании девиантности занимали вопросы преступности, вследствие чего *криминология* (наука, изучающая преступное поведение) получила приоритетное развитие. Данная тенденция устойчиво сохранялась на протяжении всего XX века. Весомый вклад в развитие современной (постсоветской) российской

криминологии внесла большая группа юристов, социологов и психологов: Л. И. Алексеев, Л. В. Алексеева, Ю. М. Антонян, С. В. Бородин, Я. И. Гилинский, К. К. Горяинов, П. С. Дагель, М. И. Еникеев, С. Н. Ениколопов, Г. Х. Ефремова, В. Л. Васильев, П. А. Кабанов, М. М. Коченов, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев, А. Р. Ратинов, Д. А. Шестаков, А. М. Яковлев и многие другие (Антонян, 2014), (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004), (Гилинский, Девиантология: теория и реальность, 1998), (Комлев, 2020), (Кудрявцев, 1999), (Серебренникова, 2020), (Шестаков, 1980).

Параллельно с этим в медицине появились девиантологические подразделы в форме клинических и судебно-экспертных исследований *девиантного поведения психически больных взрослых* пациентов и подростков с акцентуациями характера. Клиническое направление в современной российской девиантологии представляют: Б. С. Братусь, Ю. А. Берсенева, В. Г. Булыгина, И. А. Горьковая, А. И. Долгова, А. Ю. Егоров, С. Н. Ениколопов, С. А. Игумнов, А. И. Кудрявцев, А. Е. Личко, В. В. Королев, Н. А. Ратинова, В. Ю. Рыбников и др. (Егоров, А. Ю. Гречаный, С. В., 2019), (Кондрашенко, 1988), (Королев, 1992), (Личко, 1983), (Лысенко, Н. Е., Булыгина, В. Г., 2020), (Рыбников, В. Ю., Булыгина, В. Г., Дубинский, А. А., 2017).

В XX веке получили самое широкое распространение исследования в области феноменологии, патогенеза и медико-социальной реабилитации различных видов зависимостей (аддикций): алкоголизма и алкогольной зависимости, наркомании, токсикомании, табакокурения, гэмблинга, нарушений пищевого поведения, игровой зависимости, коммуникативных и сетевых аддикций. Авторы: А. Н. Алехин; Э. Е. Бехтель; В. С. Битенский; А. Е. Войскунский; Е. В. Змановская; С. А. Кулаков; А. И. Личко; В. Д. Менделевич; Г. В. Старшенбаум и др. (Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В., 2019), (Змановская Е. В., Девиантология (психология отклоняющегося поведения), 2003), (Войскунский, 2009), (Личко, 1983), (Аксельрод, Б. А. и др., 2007), (Старшенбаум, 2006), (Bokhan, N. A., Ovchinnikov, A. A., 2014). Аддиктологические разделы в широкой мере представлены в таких специальностях, как: наркология, психиатрия и медицинской психология, а также в социологии, социальной психологии и педагогике.

Изучение суицидального поведения занимает особую нишу в девиантологическом знании. Проблема самоубийств издавна привлекала внимание писателей, философов, психиатров, юристов и психологов. В то время как зарубежные исследования суицидального поведения (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004), (Положий, 2017), (Liu, R. T., Miller, I., 2014), (Wyman, 2014) активно осуществлялись с конца девятнадцатого века, в Советской России, начиная с 30-х годов XX века, тема суицидов была табуирована, междисциплинарные исследования свернуты, а открытая статистика самоубийств закрыта.

После распада СССР стало очевидно, что уровень самоубийств в бывших советских республиках существенно превышал среднестатистический мировой показатель. Начиная с 80-х годов, российские специалисты получили разрешение и начали активное изучение причин, механизмов и способов преодоления данной проблемы.

Огромную роль в развитии российской суицидологии сыграла профессор Айна Григорьевна Амбрумова, бессменный руководитель Федерального Центра суицидологии Московского НИИ психиатрии. За 10 лет (1979–1989 гг.) вышло шесть сборников трудов А. Г. Амбрумовой и ее сотрудников, охватывающих широкий ряд научно-практических (организационных) проблем суицидологии. На полученных данных была предложена первая российская концепция суицидального поведения, а сам термин «суицидология» прочно вошел в научный обиход (Змановская Е. В., 2003), (Амбрумова, 1978).

В целях концептуализации суицидального поведения Амбрумова с коллегами разработали интегративную модель, в рамках которой суицид рассматривается как индивидуально-личностный процесс, для реализации которого необходимо взаимодействие нескольких факторов: индивидуальной предрасположенности, состояния фрустрации и социально-психологической дезадаптации, ситуации межличностного и внутриличностного конфликта (Змановская Е. В., 2003) (Амбрумова, 1978).

Настоящий прорыв в изучении проблемы и оказании помощи людям с суицидальной динамикой произошел после открытия *линий экстренной помощи – телефона доверия и центров кризисной помощи.* Инициатором создания дистанционной психологической помощи в СССР также стала А. Г. Амбрумова. В 1981 году в Ленинграде на базе городского наркологического диспансера заработал первый телефон доверия. В следующем году аналогичная кризисная линия открылась в Москве.

Изначально данные службы представляли собой отделения экстренной медико-психологической помощи для предотвращения суицидов. В 1991 году в стране работало уже 25 телефонов экстренной психологической помощи. Первый телефон доверия для детей и подростков открылся в Москве в 1989 году, в 1993 – для детей в возрасте от 5 до 12 лет. В этом же году было организовано Московское объединение детских телефонов доверия. В 1991 году была учреждена Российская ассоциация телефонов экстренной психологической помощи – РАТЭПП. С 1992 года ассоциация выпускает журнал «Вестник РАТЭПП». Эффективность и востре-

бованность дистанционной психологической помощи были очевидны, поэтому массово открывались все новые и новые линии, включая общую кризисную помощь, горячие линии для детей и подростков, службы для защиты детей от жестокого обращения и женщин, пострадавших от насилия. В 2017 году в России работало уже более 350 телефонов экстренной психологической помощи.

В дальнейшем развитии отечественной суицидологии приняли участие сотни ученых, врачей и психологов, в том числе: А. Г. Амбрумова, А. Н. Алехин, С. В. Бородин, Я. И. Гилинский, Е. В. Змановская, Д. С. Исаев, К. В. Шестнев, А. С. Михлин, А. Н. Моховиков, В. Ю. Рыбников, В. А. Тихоненко, Г. В. Старшенбаум и другие (Алехин, А. Н., Исагулова, Е. Ю., 2020), (Амбрумова, 1978), (Змановская Е. В., 2003), (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004), (Лисовецкий, А. Л., Бертовский, Л. В., Поздняков, В. М., 2018) (Положий, 2017), (Wyman, 2014).

Подобно другим разделам девиантологического знания, современная российская суицидология представляет собой междисциплинарную область знаний на стыке медицинских и социальных дисциплин (психиатрия, психология, юриспруденция, социология). С точки зрения предметной области современная суицидология является разделом одновременно трех научных специальностей: социологии, медицинской психологии и психиатрии.

К 2000 году в отечественной науке был накоплен солидный теоретико-методический и практический материал по различным аспектам и видам девиантного поведения. Важная роль в утверждении нового термина и расширении девиантологического знания принадлежит профессору Я. И. Гилинскому, на протяжении нескольких десятилетий развивающему девиантологию как специальный раздел социологии (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004). Социологические подходы, раскрывающие общественные факторы и механизмы девиантности, несомненно, составляют важную часть современной девиантологии, но не исчерпывают ее. Постепенно раздел о девиациях начал заполнять и другие гуманитарные дисциплины. Примерно в одно и то же время увидели свет монографии разных авторов из разных научных сфер с одноименным названием «Девиантология»: Гилинский Я. И., 1998, 2004 (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004); А. Г. Тюриков, 2001 (Тюриков, 2001); Е. В. Змановская, 2001, 2003 (Змановская Е. В., 2001, 2003). В 2003 году в московском издательстве «Академия» тиражом в 30 000 экземпляров вышло первое учебное пособие с одноименным названием для специалистов широкого профиля. В данной работе впервые была реализована идея интеграции междисциплинарных подходов (социологического, социально-психологического, клинического, криминологического, биологического, психодинамического) на основе мультифакторной модели девиантности и девиантного поведения личности.

Одновременно с этим в начале «двухтысячных» наметилась тенденция по организации научно-практических конференций, объединяющих специалистов различного профиля вокруг обсуждения актуальных проблем девиантологии. В качестве одного из примеров можно привести вклад Краснодарского университета МВД России, на базе которого четыре года подряд (2007–2010) проводилась Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Феноменология и профилактика девиантного поведения» (Феноменология и профилактика девиантного поведения : материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, 2010). Организаторам конференции в лице руководства университета и сотрудников кафедры психологии и педагогики (С. В. Книжникова, Ю. С. Золотоверхова и др.) удалось объединить в рамках одного форума ведущих (на момент проведения мероприятия) ученых и практиков, профессионально занимающихся различными аспектами девиантного поведения. В представительном собрании приняли участие Я. И. Гилинский (доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт), Е. Н. Волков (кандидат философских наук, доцент, Нижегородский филиал Высшей школы экономики); Е. В. Змановская (доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, заведующая кафедрой прикладной конфликтологии и девиантологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы); Ю. А. Клейберг (академик Российской академии естественных наук, доктор педагогических наук, доктор юридических наук, профессор, президент международной академии ювенологов, профессор Московского государственного областного университета); Ю. Ю. Комлев (доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России); В. Д. Менделевич (доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой медицинской и общей психологии Казанского государственного медицинского университета, директор Института исследований проблем психического здоровья); Т. А. Хагуров (доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Института социологии РАН); Л. Б. Шнейдер (доктор психологических наук, профессор и заведующий кафедрой педагогической психологии Московского психолого-педагогического

университета) и другие. (Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, 2010).

Актуальность профессиональной подготовки специалистов девиантологического профиля предопределила введение в систему отечественного высшего профессионального образования ФГОС по направлению подготовки 44.05.01 «*Педагогика и психология девиантного поведения*» (приказ Министерства образования и науки РФ № 1611 от 19 декабря 2016 г.). Стандарт включил в область профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу специалитета, следующие виды деятельности: решение комплексных задач в сфере психолого-педагогической работы с проблемами девиантного поведения детей, подростков и взрослых; профилактику девиантного поведения; сопровождение детей и подростков группы риска; коррекцию и реабилитацию лиц с девиантным поведением; психолого-педагогическую экспертизу и прогнозирование; психолого-педагогическое обеспечение социальной работы по защите прав детей и подростков; социальное оздоровление семьи; предупреждение безнадзорности и беспризорности; социальная защита населения, правоохранительных органов и организаций, работающих с детьми, подростками и взрослыми с проблемами в поведении; психолого-педагогическое образование. Данный нормативный акт де-юре ознаменовал официальное утверждение *специальности девиантолога* в сфере социальной работы, педагогики трудного детства и пенитенциарной системы. В то же время де-факто девиантологический раздел был и продолжает быть представлен в большинстве гуманитарных наук.

Научно-методологическая система девиантологии

Научная система девиантологии базируется на трех основных понятиях – социальная девиация, девиантность и девиантное поведение. Под социальной девиацией понимается любое отклонение в развитии (функционировании) личности (группы) от основной линии развития общества или официально принятых норм. Употребляемый во множественном числе («социальные девиации»), данный термин означает негативные массовые явления.

Девиантность – это качество субъекта социальных отношений (личности, группы), которое проявляется в его направленности на нарушение социальных норм. Девиации и девиантность реализуются на различных уровнях общественной организации: на индивидуально-психологическом уровне они выражаются в форме девиантного поведения и девиантной направленности личности, на групповом – групповых девиаций и девиантной субкультуры, на общественном – социальных девиаций и девиантной культуры.

В системогенезе всех девиаций личность играет ведущую роль, выступая субъектной основой для формирования девиантной направленности и девиантного поведения и отдельного человека, и группы индивидов. В связи с этим психология нередко выступает общетеоретической и методической основой для различных дисциплин, изучающих девиантное поведение.

В системогенезе всех девиаций личность играет ведущую роль, выступая субъектной основой для формирования девиантной направленности и девиантного поведения и отдельного человека, и группы индивидов. В связи с этим психология нередко выступает общетеоретической и методической основой для различных дисциплин, изучающих девиантное поведение.

Девиантное поведение личности определяется как внешнее проявление девиантности в форме повторяющихся действий, отклоняющихся от социальных норм, представляющих объективную угрозу для личности или общества, имеющих негативное общественное значение и одновременно высокую индивидуальную значимость вследствие их направленности на компенсацию нарушений в системе дезадаптивных свойств и социальных отношений личности (Змановская Е. В., 2003).

Многочисленные попытки исследователей систематизировать поведенческие отклонения пока еще не привели к созданию единой типологии. Основная причина данного обстоятельства заключается в междисциплинарном характере проблемы поведенческих девиаций. Поскольку термин «девиантное / отклоняющееся поведение» используется в разных науках в близких, но не тождественных, значениях, постольку существуют и многообразные подходы к выделению его отдельных форм.

Перечисленные обстоятельства существенно затрудняют как выделение общих критериев, так и создание единой типологии различных видов отклоняющегося поведения. В то же время системати-

зации существуют и широко используются в рамках отдельных дисциплин. Например, большинство авторов рассматривают три основные группы поведенческих девиаций: негативные (например, злоупотребление наркотиками), позитивные (например, социальное творчество) и социально-нейтральные девиации (например, проституция или попрошайничество) (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004), (Змановская Е. В., 2003), (Клейберг, 2016), (Короленко, Ц. П., Донских, Т. А., 1990).

Другая типология связана с дифференциацией девиантных проявлений по степени выраженности и направленности их деструктивных последствий. В одном случае это внешнедеструктивные цели, направленные на нарушение социальных норм (правовых, морально-этических, культурных) и, соответственно, внешнедеструктивное поведение (агрессивное, преступное, асоциальное). Во втором случае внутридеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию самой личности, и причинение вреда ее здоровью, и, соответственно, аутодеструктивное поведение (суицидальное, зависимое, конформистское) (Змановская Е. В., 2008), (Короленко, Ц. П., Донских, Т. А., 1990).

> *Рассогласованность подходов в изучении девиантности негативно сказывается на решении прикладных задач, затрудняя комплексную оценку личности с девиантным поведением, снижая прогностическую ценность такой оценки и эффективность коррекционно-профилактических мер.*

В литературе можно встретить и другие классификации, например, основанные на таком критерии, как вид нарушаемой нормы, соответственно: противоправное, антисоциальное, делинквентное, асоциальное, аморальное, безнравственное, патологическое (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004), (Змановская Е. В., 2003), (Кондрашенко, 1988), (Личко, 1983).

Ведется многолетняя научная дискуссия вокруг вопроса о качественных характеристиках девиантности, определяющих сущность последней. Социальные девиации и девиантность относятся к социально-психологическим феноменам, то есть являются одновременно свойствами и личности, и социальной системы, в которую личность включена. Первой атрибутивной характеристикой девиантного поведения является его системно-функциональный характер – девиантность не существует как сугубо индивидуальная характеристика личности (например, в отличие от интеллекта, темперамента или психического расстройства), она приобретает смысл только в контексте конкретной социальной среды (ее норм, ценностей, законов и традиций) как результат конвергенции индивидуальных особенностей, микросоциальных и макрообщественных условий (Змановская Е. В., Теоретико-методологическое обоснование девиантологии как нового научного направления юридической психологии, 2005).

Поскольку девиантное поведение ставится в прямую зависимость от социальной нормы («образец, предписание, ожидание»), а последние в свою очередь проявляют изменчивость во времени и пространстве, то девиации становятся неким условным конструктом, содержащим глубокое внутреннее противоречие и вызывающим протест самих носителей девиации. Наиболее ярким примером контекстуальной неоднозначности девиантного поведения является тот факт, что убийство табуируется и жестоко наказывается в любом обществе в мирное время, но награждается и превращается в героический акт во время военных действий. Другой распространенный пример: общество запрещает любые формы насильственной агрессии со стороны отдельных граждан, легально используя институциональное насилие (вплоть до смертной казни) в качестве наказания агрессоров. Аналогичная противоречивая ситуация складывается и вокруг наркозависимого поведения: от легального употребления легких наркотиков в кофе-шопах и раздачи одноразовых шприцов в западных странах – до угрозы смертной казни за распространение и употребление наркотических веществ в странах азиатского треугольника (Гилинский, Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2004), (Змановская Е. В., 2003), (Goode, 2011).

Использование общего термина не означает однородности явления. Под девиантным поведением понимается чрезвычайно широкий круг негативных поведенческих действий с различной детерминацией и механизмами формирования. Например, специалистам хорошо известно, что две наиболее опасные девиации – суицидальное и насильственное поведение – могут поддерживаться принципиально разными мотивами и психологическим особенностя-

ми. В случае суицидальной динамики имеют место повышенная сензитивность, рефлексивность, тревожность, подавленная агрессия, склонность к самообвинениям и обращению агрессии на себя. Агрессивная личность, склонная к насилию, напротив, демонстрирует алекситимию, пониженную тревожность, склонность к самооправданию и обвинениям других на фоне неспособности к признанию своих ошибок и собственной ответственности за содеянное. При очевидных внутренних различиях оба случая самым парадоксальным образом относят к одной группе феноменов под названием «девиантное поведение».

В изучении девиантности выделяются три уровня измерения: генезис (развитие в индивидуальном, семейном и социальном контексте, процессуально-временные границы); структурно-уровневая организация (организация, подсистемы и девиантные свойства); содержательно-динамические характеристики (ценности, установки, негативные аффекты и чувства, отношения, личностные значения и смыслы, мотивы).

В рамках структурно-динамической концепции девиантного поведения идентичность приобретает качество девиантности посредством избирательных негативно-агрессивных идентификаций (бессознательных самоотождествлений) личности со значимыми фигурами из ближайшего окружения. Данный процесс осуществляется на протяжении всей жизни человека (как в положительном, так и отрицательном значении), однако наиболее стойкие и компульсивные (не поддающиеся осознанию и контролю) идентификации формируются в раннем детстве в системе эмоциональных связей с родителями (или фигурами, их заменяющими). Важным семейным фактором отклоняющегося поведения личности становится «созависимое» (комплементарное) поведение родственников, поддерживающее эксцессы и порождающее феномен порочного круга.

В соответствии с рассматриваемой концепцией наиболее адекватным и реалистичным методом профилактики и коррекции девиантного поведения личности становится психологическая работа с семьей, например, в форме семейного консультирования, семейной и парной психотерапии, обучающих групп родительской компетентности, групп со-зависимых родственников, родительских форумов и другое (Змановская Е. В., Структурно-динамическая концепция девиантного поведения, 2013).

В силу сложного полиэтиологичного характера девиантного поведения на современном этапе развития науки приоритетное значение получил так называемый интегративный (системный) подход. Интегративный подход заключается в комплексном рассмотрении девиантного поведения с точки зрения взаимодействия различных факторов, уровней и характеристик девиации. Он предполагает: систематизацию разносторонних знаний, разработку междисциплинарной теории девиантного поведения, многоосевое определение девиантности и девиантного поведения, выделение интегральных свойств девиантности, комплексную диагностику и коррекцию девиантного поведения.

В соответствии с этим важным направлением прикладной девиантологии становится разработка комплексных целевых программ профилактики, диагностики и снижения риска девиантного поведения (суицидального, преступного, зависимого) с учетом этнических, возрастных, социальных, профессиональных и психопатологических особенностей населения.

Современные вызовы и актуальные тенденции

В конце XX века наметились и в настоящее время сохраняются несколько тенденций, отражающих динамику социальных девиаций в западной культуре и на постсоветском пространстве. Во-первых, на фоне снижения уровня тяжких преступлений наблюдается существенный рост более легких девиаций (агрессивное поведение, сексуальные перверсии и зависимости). Очевидно, что ныне живущие люди нарушают моральные нормы более свободно и безнаказанно, преступая черту дозволенного чаще и изобретательнее, чем их предшественники. Ситуация в современном российском обществе может быть обозначена как морально-нравственная аномия.

Криминальное поведение по-прежнему актуально. Россия относится к числу стран со сложной криминогенной ситуацией. Несмотря на то, что уровень преступности в последние годы снижается, по данным ФСИН России в 2020 году в России насчитывалось около 500 тысяч человек, отбывающих наказание за различные преступления, более 25 тысяч из которых – женщины. Численность осужденных в России снижается медленнее, чем в других странах, и непропорционально снижению преступности. Уровень подростковой преступности на протяжении последнего десятилетия неуклонно снижается, оставаясь достаточно высоким в сравнении с экономически развитыми странами. В 2019 году несовершеннолетними совершено 41,5 тысячи уголовно наказуемых деяний.

В то время как уличная преступность снижается (во многом благодаря перетеканию девиантной активности в сеть и сферу цифровых технологий), аутодструктивное поведение населения остается тревожно высоким. Мировой уровень завершенных суицидов к 2020 году достиг 16 случаев на 100 тысяч населения, что превышает ежегодное число смертей от убийств (Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2020). Уровень завершенных самоубийств в России традиционно высок – 31 случай на 100 тысяч населения (второе место в мире после Литвы).

Специфической особенностью эпохи потребления стало широкомасштабное распространение зависимостей, например, потребление алкоголя и психоактивных веществ. В мире 10 % мужского и 3–5 % женского населения злоупотребляют алкоголем, по данным ВОЗ насчитывается не менее 120 миллионов больных алкоголизмом. По мнению экспертов, в 2000 году число потребителей наркотических веществ в России составило 7–7,5 миллионов человек, или 6 % от 146-миллионного населения. Это один из самых высоких показателей в Европе.

Нарушения пищевого поведения встречаются повсеместно. Отмечается неуклонный рост так называемых «нехимических аддикций», в том числе игровой зависимости, в которую вовлечены до 5 % жителей мегаполисов (Егоров, А. Ю. & Гречаный, С. В., 2019).

В связи с интенсивным развитием информационных технологий появился принципиально новый вид отклонений – кибердевиации (компьютерная и интернет-зависимость, информационный серфинг, сексуальные девиации в сети, интернет-преступления и прочее. По данным МИД РФ ущерб мировой экономике от киберпреступности в 2019 году может достичь $ 2 трлн[1]. В настоящее время кибердевиации представляют собой новую, актуальную и наименее контролируемую форму девиантного поведения (Егоров, А. Ю. & Гречаный, С. В., 2019), (Войскунский, 2009), (Комлев, 2020), (Серебренникова, 2020), (Goode, 2011), (Smith, 2017), (Williams, 2016).

Наблюдается активизация процесса формирования маргинальных субкультур в сети (таких как молодежно-экстремистская, наркоманическая, религиозно-культовая, сексуально-отклоненная, криминальная) (Ениколопов, 2006), (Комлев, 2020), (Серебренникова, 2020), (Ward, 2017), (Williams, 2016).

Можно говорить о том, что в условиях массированных социальных вызовов и повышенной социальной значимости проблемы девиантного поведения современная российская девиантология переживает затянувшийся кризис. С одной стороны, наблюдается накопление огромного массива данных по проблеме девиантности и девиантного поведения, с другой – отмечается выраженная междисциплинарная разрозненность исследований на фоне отсутствия общетеоретической основы.

На данном этапе развития науки и общества отчетливо выделяются три тенденции в рассмотрении проблемы девиантности и девиантного поведения: 1) интеграция подходов в изучении девиантности и девиантного поведения; 2) смена научной парадигмы с субъект-объектного воздействия на субъект-субъектное взаимодействие; 3) гуманизация общественного сознания.

Рассогласованность подходов в изучении девиантности негативно сказывается на решении прикладных задач, затрудняя комплексную оценку личности с девиантным поведением, снижая прогностическую ценность такой оценки и эффективность коррекционно-профилактических мер.

Наряду с интегративной тенденцией все большее значение приобретает парадигма субъектности. *Субъектность* означает признание активности и саморегуляции личности, а в отношении девиантных действий – ее личную ответственность и осознанность. В соответствии с этим человек рассматривается как субъект (преступления, правового сознания, социальных отношений и собственной жизни), включенный в интерактивные (субъект-субъектные) отношения. Следовательно, девиация социального поведения может рассматриваться как нарушение субъектности.

В контексте рассматриваемой парадигмы перед специалистами стоит непростая задача создания технологий диагностики таких субъектных свойств личности, как активность, ответственность, самосознание, самоконтроль. Еще одна тенденция в развитии девиантологических представлений связана со все более усиливающейся г*уманизацией общественного сознания в целом и психологической науки в частности.* Применительно к законодательной и правоприменительной практике гуманизация проявляется: в смягчении законов, альтернативных видах наказания, а также во всестороннем развитии психологического сопровождения личности как субъекта социальных отношений.

Последнее десятилетие характеризуется кардинальными изменениями в жизни большинства людей, связанными с прогрессом в области информационно-цифровых технологий и существенным повышением доли потребления интернет-услуг. Традиционные поведенческие девиации все чаще находят реализацию в сети. Интернет создает иллюзию анонимности и безнаказанности. Девиации становятся более массовыми и все менее контролируемыми. На первый план выходит проблема информационной безопасности, особенно в отношении детей и подростков. Кроме того, перед специалистами встает непростая задача перевода существующих методов профилактики, диагностики и преодоления девиантного поведения в компьютерные версии и программы.

В связи с пандемией Ковид-19 и на фоне вынужденной самоизоляции миллионов людей активизировалась проблема семейных деструктивных конфликтов и домашнего насилия, что в свою очередь повышает значимость различных форм работы с семьей на фоне приоритетности профилактики риска девиантного поведения в детско-подростковом возрасте (Куканова, 2016), (Реан, 2016), (Шестаков, 1980).

[1] Сайт tass.ru [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tass.ru/politika/5551244

Обобщая сказанное, можно говорить о проявлении таких актуальных тенденций, как структурно-уровневая реструктуризация девиаций, повышение удельного веса зависимостей, цифроизация жизни в целом и девиаций в частности, либерализация общественного сознания, интеграция существующих подходов и накопленных знаний, усиление психологического компонента, приоритетного внимания к детям и подросткам, повышения значимости прикладных исследований.

Проведенный историко-онтологический анализ показывает высокий научный потенциал российской девиантологии как социально значимой междисциплинарной области знаний, имеющей собственные объект и предмет исследования, историческую традицию, оригинальный категориальный аппарат, основательную теоретическую базу, обширные прикладные и практические наработки.

Хочется надеяться, что, несмотря на глобальные вызовы времени и имеющиеся внутренние трудности, современная российская девиантология будет неуклонно развиваться в прогрессивных направлениях.

Список литературы

Bokhan, N. A., Ovchinnikov, A. A. (2014). *Dissociative model of addictions formation.* Saint-Louis, MO: Publishing House Science and Innovation Center.

Goode, E. (2011). *Deviant behavior. Upper Saddle River.* (изд. 9th ed.). NJ: Prentice Hall.

Liu, R. T., Miller, I. (2014). Life events and suicidal ideation and behavior: a systematic review. *Clin. Psychol. Rev.* (3), 181–192.

Smith, G. J. (2017). The Challenges of Doing Criminology in the big Data Era: Towards a Digital and Data-driven Approach. *British Journal of Criminology,* (2), 259–274.

Ward, T. (2017). Prediction and agency: The role of protective factors in correctional rehabilitation and desistance, *Aggression and Violent Behavior*, 19–28.

Williams, L. M. (2016). Cyberhate on social Media in the Aftermath of Woolwich: a Case Study in computational Criminology and big Data. *British Journal of Criminology*, 211–238.

Wyman, P. A. (2014). Developmental approach to prevent adolescent suicides: Research pathways to effective upstream preventive interventions. *American journal of preventive medicine,* (3), 251–256.

Аксельрод, Б. А. и др. (2007). *Руководство по аддиктологии.* (В. Д. Менделевича, Ред.) Санкт-Петербург: Речь.

Алехин, А. Н., Исагулова, Е. Ю. (2020). Суицидальное поведение в подростковом возрасте: проблема и факторы формирования. *Вестник психотерапии,* (73 (78)), 127–14.

Амбрумова, А. Г. (1978). Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности. *Актуальные проблемы суицидологии. Труды Московского НИИ психиатрии, 82*, 6–28.

Антонян, Ю. (2014). Криминология будущего: междисциплинарные научные связи. *Юридическая наука и правоохранительная практика,* (4 (30)), 67–75.

Войскунский, А. Е. (Ред.). (2009). *Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития.* Москва: Акрополь.

Гилинский, Я. И. (1998). Девиантология: теория и реальность. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии,* (1 (5)), 181–186.

Гилинский, Я. И. (2004). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений».* Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс.

Дюркгейм, Э. (1998). *Самоубийство. Социологический этюд.* Санкт-Петербург: Союз.

Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В. (2019). Современные подходы к терапии и коррекции Интернет-аддикции. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова,* (6), 152–159.

Ениколопов, С. Н. (2006). Терроризм и агрессивное поведение. *Национальный психологический журнал.* (1 (1)), 28–32.

Змановская, Е. В. (2001). *Девиантология: психология отклоняющегося поведения.* – Санкт-Петербург: СПб государственный институт психологии и социальной работы.

Змановская, Е. В. (2003). *Девиантология (психология отклоняющегося поведения).* Москва: Издательский центр «Академия».

Змановская, Е. В. (2005). Теоретико-методологическое обоснование девиантологии как нового научного направления юридической психологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России,* (4 (28-2)), 43–52.

Змановская, Е. В. (2013). Структурно-динамическая концепция девиантного поведения. *Вестник Томского государственного педагогического университета,* (5 (133)), 189–195.

Клейберг, Ю. А. (2016). *Креативная девиантология.* Москва: ИИУ МГОУ.

Комлев, Ю. Ю. (2020). Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии. *Вестник Казанского юридического института МВД России,* (1 (39)), 31–40.

Кондрашенко, В. Т. (1988). *Девиантное поведение подростков: социально-психологические и психиатрические аспекты.* Минск: Беларусь.
Королев, В. В. (1992). *Психические отклонения у подростков–правонарушителей.* Москва: Медицина.
Короленко, Ц. П., Донских, Т. А. (1990). *Семь путей к катастрофе (Деструктивное поведение в современном мире).* Новосибирск: Наука : Сиб. отд-ние.
Кудрявцев, В. Н. (1999). Современные проблемы борьбы с преступностью в России. *Вестник Российской академии наук,* (9), 790–797.
Куканова, Е. В. (Ред.). (2016). *Девиантология родительства.* Москва: ИИУ МГОУ.
Лисовецкий, А. Л., Бертовский, Л. В., Поздняков, В. М. (2018). Суицидология и криминалистика: пути взаимодействия. *Суицидология,* (1), 81-86.
Личко, А. Е. (1983). *Психопатии и акцентуации характера у подростков.* Ленинград: Медицина : Ленингр. отд-ние.
Лысенко, Н. Е., Булыгина, В. Г. (2020). Особенности дизрегуляции поведения у лиц, совершивших общественно опасные действия. *Российский психиатрический журнал,* (6), 45–54.
Положий, Б. С. (2017). Суицидология как мультидисциплинарная область знаний. *Суицидология,* (4 (29)), 3–8.
Реан, А. А. (Ред.). (2016). *Психология девиантности. Дети. Общество.* Москва: ЮНИТИ.
Рыбников, В. Ю., Булыгина, В. Г., Дубинский, А. А. (2017). Индивидуально-психологические предикторы адаптации и дезадаптации специалистов экстремального профиля деятельности. *Экология человека,* (3), 3–9.
Серебренникова, А. В. (2020). Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология). *Всероссийский криминологический журнал,* (3), 423–430.
Старшенбаум, Г. В. (2006). *Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей.* Москва: Когито-Центр.
Тюриков, А. Г. (2001). *Военная девиантология: Теория, методология, библиография.* Москва.
Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. (2010). (368). Краснодар: КрУМФД России.
Шестаков, Д. А. (1980). *Введение в криминологию семейных отношений.* Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та.

References

Bokhan, N. A., Ovchinnikov, A. A. (2014). *Dissociative model of addictions formation.* Saint-Louis, MO: Publishing House Science and Innovation Center.
Goode, E. (2011). *Deviant behavior. Upper Saddle River.* (izd. 9th ed.). NJ: Prentice Hall.
Liu, R. T., Miller, I. (2014). Life events and suicidal ideation and behavior: a systematic review. *Clin. Psychol. Rev.* ((3)), 181–192.
Smith, G. J. (2017). The Challenges of Doing Criminology in the big Data Era: Towards a Digital and Data-driven Approach. *British Journal of Criminology,* (2), 259–274.
Ward, T. (2017). Prediction and agency: The role of protective factors in correctional rehabilitation and desistance. *Aggression and Violent Behavior*, 19–28.
Williams, L. M. (2016). Cyberhate on social Media in the Aftermath of Woolwich: a Case Study in computational Criminology and big Data. *British Journal of Criminology*, 211–238.
Wyman, P. A. (2014). Developmental approach to prevent adolescent suicides: Research pathways to effective upstream preventive interventions. *American journal of preventive medicine,* (3), 251–256.
Aksel'rod, B. A. i dr. (2007). *Rukovodstvo po addiktologii.* (V. D. Mendelevicha, Red.) Saint Petersburg: Rech'.
Alokhin, A. N., Isagulova, Ye. Yu. (2020). Suitsidal'noye povedeniye v podrostkovom vozraste: problema i faktory formirovaniya. *Vestnik psikhoterapii,* (73 (78)), 127–14.
Ambrumova, A. G. (1978). Suitsid kak fenomen sotsial'no-psikhologicheskoy dezadaptatsii lichnosti. *Aktual'nyye problemy suitsidologii. Trudy Moskovskogo NII psikhiatrii,* 82, 6–28.
Antonyan, YU. (2014). Kriminologiya budushchego: mezhdistsiplinarnyye nauchnyye svyazi. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika, (4 (30)), 67–75.
Voyskunskiy, A. Ye. (Red.). (2009). *Internet-zavisimost': psikhologicheskaya priroda i dinamika razvitiya.* Moskow: Akropol'.
Gilinskiy, Ya. I. (1998). Deviantologiya: teoriya i real'nost'. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii,* (1 (5)), 181–186.
Gilinskiy, Ya. I. (2004). *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh «otkloneniy».* Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
Dyurkgeym, E. (1998). Samoubiystvo. *Sotsiologicheskiy etyud.* Saint Petersburg: Soyuz.
Yegorov, A. Yu., Grechanyy, S. V. (2019). Sovremennyye podkhody k terapii i korrektsii Internet-addiktsii. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S. S. Korsakova,* (6), 152–159.
Yenikolopov, S. N. (2006). Terrorizm i agressivnoye povedeniye. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal,* (1 (1)), 28–32.
Zmanovskaya, Ye. V. (2001). *Deviantologiya: psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya.* – Saint Petersburg: SPb gosudarstvennyj institut psihologii i social'noj raboty.

Zmanovskaya, Ye. V. (2003). *Deviantologiya (psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya).* Moskow: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya».
Zmanovskaya, Ye. V. (2005). Teoretiko-metodologicheskoye obosnovaniye deviantologii kak novogo nauchnogo napravleniya yuridicheskoy psikhologii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii.* (4 (28-2)), 43–52.
Zmanovskaya, Ye. V. (2013). Strukturno-dinamicheskaya kontseptsiya deviantnogo povedeniya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta,* (5 (133)), 189.0150195.
Kleyberg, Yu. A. (2016). *Kreativnaya deviantologiya.* Moskow: IIU MGOU.
Komlev, Yu. Yu. (2020). Tsifrovizatsiya, setevizatsiya obshchestva postmoderna i razvitiye tsifrovoĭ kriminologii i deviantologii. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii,* (1 (39)), 31.015040.
Kondrashenko, V. T. (1988). *Deviantnoye povedeniye podrostkov: sotsial'no-psikhologicheskiye i psikhiatricheskiye aspekty.* Minsk: Belarus'.
Korolev, V. V. (1992). *Psikhicheskiye otkloneniya u podrostkov–pravonarushiteley.* Moskow: Meditsina.
Korolenko, Ts. P., Donskikh, T. A. (1990). *Sem' putey k katastrofe (Destruktivnoye povedeniye v sovremennom mire).* Novosibirsk: Nauka : Sib. otd-niye.
Kudryavtsev, V. N. (1999). Sovremennyye problemy bor'by s prestupnost'yu v Rossii. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk,* (9), 790-797.
Kukanova, Ye. V. (Red.) (2016). *Deviantologiya roditel'stva*. Moskow: IIU MGOU.
Lisovetskiy, A. L., Bertovskiy, L. V., Pozdnyakov, V. M. (2018). Suitsidologiya i kriminalistika: puti vzaimodeystviya. *Suitsidologiya*, (1), 81–86.
Lichko, A. Ye. (1983). *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov.* Leningrad: Meditsina: Leningr. otd-niye.
Lysenko, N. Ye., Bulygina, V. G. (2020). Osobennosti dizregulyatsii povedeniya u lits, sovershivshikh obshchestvenno opasnyye deystviya. *Rossiyskiy psikhiatricheskiy zhurnal,* (6), 45–54.
Polozhiy, B. S. (2017). Suitsidologiya kak mul'tidistsiplinarnaya oblast' znaniy. *Suitsidologiya,* (4 (29)), 3–8.
Rean, A. A. (Red.). (2016). *Psikhologiya deviantnosti. Deti. Obshchestvo.* Moskow: YUNITI.
Rybnikov, V. Yu., Bulygina, V. G., Dubinskiy, A. A. (2017). Individual'no-psikhologicheskiye prediktory adaptatsii i dezadaptatsii spetsialistov ekstremal'nogo profilya deyatel'nosti. *Ekologiya cheloveka,* (3), 3–9.
Serebrennikova, A. V. (2020). Kriminologicheskiye problemy tsifrovogo mira (tsifrovaya kriminologiya). *Vserossiĭskiĭ kriminologicheskiĭ zhurnal,* (3), 423–430.
Starshenbaum, G. V. (2006). *Addiktologiya: psikhologiya i psikhoterapiya zavisimostey.* Moskow: Kogito-Tsentr.
Tyurikov, A. G. (2001). *Voyennaya deviantologiya: Teoriya, metodologiya, bibliografiya.* Moskow.
Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya : materialy IV Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiyem nauchno-prakticheskoy konferentsii. (2010). (368). Krasnodar: KrUMFD Rossii.
Shestakov, D. A. (1980). *Vvedeniye v kriminologiyu semeynykh otnosheniy.* Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.

Информация об авторе:

Змановская Елена Валерьевна – старший научный сотрудник отдела организации научных исследований Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

About the author:

Zmanovskaya Elena Valerievna – Senior Researcher of the Department for Organization of Scientific Research of the All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine named after A. M. Nikiforov of the EMERCOM of Russia, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Saint Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 15.03.2021; одобрена после рецензирования. 27.04.2021; принята к публикации 11.05.2021.

The article was submitted March 15, 2021; approved after reviewing April 27, 2021; accepted for publication May 11, 2021.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.